

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LIII

№ 2
апрель-июнь 2020

ТАШКЕНТ
2020

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 1-2: Протоиерей Михаил Котляров (С. 39–53).

Стр. 3: Михаил Голубовский-Соловьев в США. Обложка первого издания «Записок советского военного корреспондента» (С. 87–102).

Восток Свыше. 2020, № 2 (LIII)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Артем СЕРЕБРЕННИКОВ. Константинопольский собор, 1593 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Предпоследний римлянин. 1600 лет преставления преподобного

Иеронима Блаженного, Стридонского (15 июня ок. 420 года) 6

Тема: Пандемия коронавируса и церковная жизнь

«Не выискивать гонений на Церковь там, где их нет».

Авторы и читатели «Востока Свыше» о пандемии, карантине

и тех возможностях, которые они дают верующим 15

«Господь дает возможность людям остановиться и задуматься».

Голоса верующих 23

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Александр ГАЛАК. «Достойный, энергичный пастырь...» 30

Тема: Протоиерей Михаил Котляров (1938–2019)

«Компрометирующими материалами на Котлярова Михаила Иосифовича
не располагаем...» Об одном эпизоде из жизни протоиерея

Михаила Котлярова. Публикация и комментарии

Евгения АБДУЛЛАЕВА 39

«Как он умел радоваться...»

Воспоминания о протоиерее Михаиле Котлярове 47

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Тема: История образования и науки в Туркестане

Юрий ФЛЫГИН. «...Тщательный надзор за преподавателями

и учащимися...» 54

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ. Университетский проект в контексте советской

модернизации Туркестана (1917–1924) 60

Содержание (окончание)

Георгий НИКИТЕНКО. Туркестанская экспедиция Эрнста Кон-Винера 71

Михаил ГОЛУБОВСКИЙ-СОЛОВЬЕВ. Огненный вал.
Публикация, предисловие и примечания *Михаила ТАЛАЛАЯ* 87

СОБЕСЕДНИК

Юрий Флыгин: «Хотелось бы, чтобы более бережно относились
к историческому наследию...» 103

ПРОЗА

Андрей ФЁДОРОВ. Кот. Рассказ 108

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».
Избранные записи в Фейсбуке последних лет 111

Тема: Поэзия и Вера

«...Мы находимся по другую сторону галактики».
На вопросы ВС отвечает поэт и прозаик Николай БАЙТОВ 125

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*
Документы внутренней свободы 137

Авторы номера 141

Информация для авторов 142

Университетский проект в контексте советской модернизации Туркестана (1917–1924)

Попытки создать высшую школу в Туркестане предпринимались местными интеллектуалами еще в начале XX века, однако они не увенчались успехом. Власти скептически относились к появлению высшего образования, вероятно, не желая создавать очаг политического напряжения, катализатором которого могло стать студенчество. Против основания высшего учебного заведения в Ташкенте высказались видные российские востоковеды – арабист Виктор Романович Розен (1849–1908) и его ученик тюрколог Василий Владимирович Бартольд (1869–1930)¹. Инициативу туркестанцев поддерживал только востоковед-индолог Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934)². После Октябрьской революции, несмотря на гражданскую войну и дезорганизацию экономики, реализуется ряд социокультурных проектов, одним из которых стал университетский.

История Туркестанского университета в 1920-е годы не раз становилась объектом изучения. Советская историография в значительной степени представлена юбилейными изданиями, которые в основном являются компендиумами источников без критического анализа³. Существуют и серьезные исследования советских историков, выполненные на материалах узбекистанских архивов, с попыткой реконструировать социокультурный контекст создания высшей школы⁴.

Продолжает изучаться эта тема и в современном Узбекистане, где функционирует преемник Туркестанского университета – Национальный университет Узбекистана⁵. Однако, на наш взгляд, историография продолжает воспроизводить советские традиции, концентрируясь на сборе и упорядочивании фактов. Сохраняется и определенная идеологизированность в анализе этой темы. Если советские историки отдавали лавры создания университета коммунистической партии⁶, то сейчас авторы склонны говорить либо о европейской интеллигенции, либо о мусульманских реформаторах – джадидах⁷.

Целью данной статьи является анализ ранней истории трансформаций университета как социокультурного института в советском Туркестане (1918–1924). Создание высшего образования в регионе выводит на тематику советской модернизации и шире – культурной революции в Средней Азии⁸. Проблематика исследования заключается в определении концептуальных рамок понятия «университет» в СССР в первые годы построения нового социально-ориентированного государства. На каких принципах функционировали вуз и факультеты? Каковы причины изменения структуры университета после 1920 года? Почему университет приобрел региональное значение в 1923 году и какие это имело последствия?

Основными источниками исследования являются делопроизводственные документы: отчеты ташкентского руководства университета, позволяющие реконструировать его действия. Нарративные источники личного происхождения представлены воспоминаниями астронома Всеволода Викторовича Стратонова (1869–1938)⁹. Мемуары демонстрируют отношение российского академического сообщества к туркестанскому университетскому проекту, а также описывают положение интеллигенции в первые годы после установления советской власти.

Народные университеты

Первый проект по созданию Туркестанского народного университета (ТНУ) разработали в Ташкенте при Временном правительстве¹⁰, но социально-политическая нестабильность помешала его осуществить. После Октябрьской революции туркестанские социалисты в союзе с местными учеными приступили к его реализации¹¹. Изначально вуз задумывался как объединение дореволюционных научно-популярных кружков и обществ¹², которые были широко распространены по всему региону¹³. В феврале 1918 года местная интеллигенция организовала Общество ревнителей высшего образования, разработавшее устав вуза¹⁴.

Первая половина 1920-х годов характерна неясным и беспорядочным проектерством как интеллигенции, так и большевиков¹⁵. Поэтому внезапное появление высшей школы в советском Туркестане – не уникальный случай, а скорее закономерность для бывших имперских окраин. Например, появление Таврического народного университета в мае 1918 года в Крыму было инициировано востоковедами Киевского университета, учредившими научное общество¹⁶. В том же году в Тифлисе интеллектуалы объединились в научное общество, силами которого организовали Тифлисский народный университет¹⁷. В 1918 году народные университеты появились также в Липецке, Боброве, Перми и других губернских городах¹⁸.

Появление народных университетов можно объяснить стремлением региональных элит воспользоваться плодами временной политико-административной децентрализации, тем более что ясное понимание того, как должна выглядеть высшая школа в советском государстве, еще не успело сформироваться. Созда-

ние вузов провинциальными интеллектуалами было демонстрацией культурных возможностей региона, заявлением его элит о своей значимости, а также позиционированием того или иного города как нового научного центра. Создание университетов было сигналом власти о важности инвестирования в культурный капитал региона. Трата средств на поддержание местных инициатив, которые до 1917 года обычно отклонялись, позволяла большевикам на деле продемонстрировать работу механизмов демократии, а также реализацию прав и свобод, декларируемых революцией.

Кроме того, идея университета давала возможность мобилизовать местную интеллигенцию и скрепить ее с властью, а также стабилизировать работу школьной и культурно-просветительской системы. Туркестанский университет первые месяцы представлял собой не высшее учебное заведение в «классическом» понимании, а консорциум институтов науки и культуры, включающим школы I ступени, детские площадки, практические курсы, Публичную библиотеку, Народный музей и консерваторию¹⁹. Вскоре все эти учреждения отделили от университета, поскольку их нахождение в составе вуза было признано нецелесообразным²⁰.

Факультеты народных университетов

Факультеты в народных университетах также стали предметом революционного экспериментаторства. В ТНУ они являлись факультетами формально, поскольку не имели деления на кафедры, а педагогический состав без исключений получал профессорскую должность²¹. Из-за недостатка квалифицированных кадров на работу принимали всех, кто хотя бы опосредованно имел отношение к науке. При этом не обращали внимания ни на наличие у претендентов научных трудов (зачастую их просто не было), ни на опыт педагогической деятельности, который, как правило, отсутствовал²². От претендента на преподавательскую должность требовалось лишь прочитать две лекции – на свободную тему и по программе соответствующего курса²³.

В университете вводилась триместровая система. Учебный год составлял девять месяцев и делился на модули по три месяца с перерывами на каникулы²⁴.

Факультеты народных университетов формировались под внутренние потребности региона. Например, в Костроме учредители вуза стремились сходу приступить к подготовке текстильщиков и специалистов в лесном деле²⁵. Созданные пять факультетов ТНУ также рассчитывались в первую очередь на поддержание и развитие народного хозяйства²⁶. Открытие сельскохозяйственного факультета объясняется комплексом причин: аграрным характером края, необходимостью введения современной системы мелиорации. Технический факультет должен был, вероятно, готовить инженеров для будущих промышленных предприятий и гидротехников; подтверждением этого служат созданные при факультете курсы *мирабов* – работников, обеспечивающих эксплуатацию гидротехнических и ирригационных систем²⁷. Социально-экономический факультет готовил бы специали-

стов в сфере государственного и административного управления; естественно-математический – геодезистов и т.д. Историко-филологический, скорее всего, должен был готовить археологов и исследователей культурного наследия народов Туркестана; материальная и научная основа для этого была подготовлена имперскими научно-популярными обществами²⁸.

Утилитарная специфика факультетов была связана с проблемой первых постреволюционных лет – дефицитом кадров²⁹. Появилось множество комитетов и комиссариатов, где для своевременного принятия решений требовались грамотные сотрудники, без которых и модернизация республики была неосуществима. Кроме того, коммунистам на окраинах нужно было найти механизмы для нового объединения регионов с Россией. Помимо идеологии, сети партийных ячеек и социально-экономических институтов, средством реинтеграции могла служить единая система образования.

Функционирование вуза

Летом 1918 года ТНУ открыл прием абитуриентов. В университет принимали всех, кто хотел учиться³⁰, однако сведений о подаче документов представителями коренных народностей края не обнаружено. Приемная комиссия зарегистрировала всего 1151 человека³¹. Учитывая, что доля европейцев в Туркестане перед революцией 1917 года была около 6%³², можно говорить, что они проявили живой интерес к науке³³. Знания поступивших оказались слабыми, многих отправили на подготовительные курсы³⁴. Дополнительной причиной для отчисления служили частые пропуски занятий студентами. Некоторые поступившие добровольно переходили на курсы либо отчислялись³⁵. К началу зимы 1919 года количество студентов уменьшилось до 462 человек³⁶.

Сокращение студенчества было связано и с Гражданской войной. С декабря 1918 по февраль 1919 гг. университет не работал из-за критического положения на Оренбургском, Закаспийском, Семиреченском и Ферганском фронтах³⁷; в январе военный комиссар ТАССР К.П. Осипов поднял антибольшевистское восстание в Ташкенте³⁸. Мятеж быстро подавили, но по подозрению в причастности к нему был арестован один из основателей университета, востоковед Николай Гурьевич Маллицкий (1873–1947)³⁹. Коллеги Маллицкого смогли доказать его невиновность, после чего обвинения были сняты⁴⁰.

Профессора и студенты технического факультета летом 1919 года трудились на стройке гидromетрической станции, а также занимались строительством Ташкентского порохового завода⁴¹. Для студентов стройки и иные мероприятия имели характер учебной практики: 150 студентов медицинского факультета были мобилизованы на борьбу с малярией, холерой и чумой. На Ферганский фронт для культурно-просветительской работы отправили около 150 студентов, 50 привлекли к проведению переписи населения в Ташкенте и еще 60 – на работу в бухарские советские учреждения⁴².

Фактически в первый год ни преподаватели, ни студенты университета не вы-

полняли непосредственных научно-исследовательских и учебных обязанностей, а привлекались властями как трудовой резерв.

«Пересборка»

ТНУ держался на энтузиастах, объединенных стремлением сохранить высшее образование в регионе. Нехватка специалистов и финансирования вынудила учредителей просить помощи Москвы⁴³. Чтобы выяснить ситуацию, в Ташкент был направлен партийный деятель РКП(б) Адольф Абрамович Иоффе (1883–1927)⁴⁴. В Ташкенте он обсудил вопросы признания университета Москвой, командирования в Ташкент ученых из вузов РСФСР, создания библиотеки⁴⁵. В мае 1918 года от университета в Москву отбыла делегация, члены которой осенью встретились с В.И. Лениным⁴⁶. Он распорядился создать Организационный комитет университета, который разработал бы его структуру, составил учебные программы, собрал библиотеку, подобрал преподавательские кадры⁴⁷.

Параллельно в Ташкенте было создано Правление, Совет университета и Совет факультетов⁴⁸. Начала формироваться библиотека, в пользу которой, возможно, были национализированы книжные собрания училищ и научно-популярных обществ, а также коллекция книг Великого князя Николая Константиновича (1850–1918)⁴⁹. Обустраивались ботанические, зоологические, физические, химические и другие кабинеты⁵⁰.

Силами местных востоковедов, в частности Александра Александровича Гарицкого (1881–1946), Алексея Федоровича Машковцева и Михаила Степановича Андреева (1873–1948) был создан Туркестанский восточный институт (ТВИ)⁵¹. Его целью было изучение истории, культуры и местных языков региона, а также воспитание нового поколения востоковедов⁵². В создании ТВИ были заинтересованы не только ученые, но и военные: армии требовались офицеры, знакомые с географией, языками и религиозно-психологическими особенностями населения края. Военные рассчитывали, что при ТВИ будут открыты языковые курсы для красноармейцев⁵³.

«Пересборка» университета в Москве была своего рода перехватом инициативы у туркестанской интеллигенции. В августе 1919 года на собрании оргкомитета в Москве первым ректором университета был избран агроном Николай Александрович Димо (1873–1959), а востоковед Александр Эдуардович Шмидт (1871–1939) – его заместителем⁵⁴. Избрание руководства, вероятно, упрощало процесс оформления необходимых бумаг в Москве. В 1919–1920 гг. Димо поддерживал связь с Ташкентом, обговаривая возможность делегирования кадров в ТНУ⁵⁵.

В состав оргкомитета входили 102 профессора и 91 преподаватель, но только половина из них согласилась отправиться в Ташкент⁵⁶. Многие профессора вошли в оргкомитет исключительно по материальным соображениям: ученые не собирались покидать посты в столичных вузах⁵⁷. Никто серьезно проблемами ТНУ, кроме Димо, не занимался. Ученые не верили в возможность появления университета в «туркестанской глуши»⁵⁸. Тем временем, в декабре 1919 года происходит важное событие – университет получил статус государственного внутри ТАССР⁵⁹.

Начало перемен

В конце 1919 года в Ташкент отбыл санитарный поезд № 159 с профессорами из Московского и Петроградского университетов под руководством хирурга Петра Порфирьевича Ситковского (1882–1933)⁶⁰. Кроме того, в начале 1920 года в ТГУ потянулись российские преподаватели, а заявки на поступление стали подавать студенты из Астрахани, Самары и Томска⁶¹. Во многих российских городах вузы перестали функционировать; некоторые профессора погибли или эмигрировали⁶², вдобавок в европейской части России свирепствовал голод. В Туркестане ситуация с продовольствием была также непростой, но к началу 1920 года голод частично удалось победить. Все это делало Ташкент привлекательным в глазах интеллигенции.

Еще до приезда московских профессоров туркестанская интеллигенция начала жалеть о запрошенной помощи. Стало понятно, что после прибытия российских коллег туркестанцы окажутся не у дел. Поэтому университет прекратил все контакты с Москвой. Российские ученые пытались найти связи с Ташкентом, но не получали ответа, отсылали отчеты заседаний Правления и Совета, но они игнорировались. Затем ТГУ отправил устаревшие отчеты, желая показать, что в Ташкенте все сделано самостоятельно⁶³.

Зимой 1919 года Красная армия заняла Оренбург, прорвав блокаду Туркестана⁶⁴, что сделало возможным прибытие в Ташкент 10 апреля 1920 года первого «поезда науки»⁶⁵. Однако прибывшим преподавателям не выделили квартиры, а оборудование не было перевезено в университет, его просто негде было разместить⁶⁶. Туркестанский СНК решил проблему, выделив несколько новых зданий, а располагавшиеся в них учреждения выселил в другие строения⁶⁷. Помощь продолжала поступать: только в 1920 году в Ташкент отправили еще четыре эшелона (в общей сложности 65 вагонов), которые прибыли в августе, сентябре и октябре⁶⁸. Произошла смена руководства университета: ректором вместо географа Глеба Никаноровича Черданцева (1885–1958) был назначен биолог Абрам Львович Бродский (1882–1943)⁶⁹. Местную интеллигенцию оставили на факультетах в качестве преподавателей, отстранив от руководящих должностей.

Конфликт столиц

Помимо утраты руководящей роли туркестанской интеллигенции в судьбе университета произошло еще одно важное событие. В 1920 году был составлен проект официального признания Туркестанского университета Москвой, который в Ташкенте вызвал негативную реакцию. Чтобы выяснить ситуацию, в центр отправилась делегация во главе с председателем Мусульманского бюро ТКП(б) Тураром Рыскуловым (1884–1938)⁷⁰. По окончании переговоров делегация привезла неутешительные вести: проект предусматривал подчинение научной деятельности университета Народному комиссариату просвещения (НКП) РСФСР, а административной и образовательной части – Ташкенту⁷¹. НКП Туркестана телеграфировал заместителю НКП РСФСР Михаилу Николаевичу Покровскому (1868–1932),

чтобы в Москве повременили со вступлением проекта в силу до приезда другой делегации. Правление университета предупредило, что проект внесет путаницу в организационном отношении⁷².

28 июля 1920 года Покровский написал заместителю НКП ТАССР Шалому Моисеевичу Двойлацкому (1893–1937), уговаривая отбросить сомнения по поводу проекта; он ссылаясь на пример Казанского университета, который находился в ведении НКП РСФСР, но под контролем НКП Татарской АССР⁷³. Однако позиции сторон так и остались несогласованными, и Москва отказалась проводить дальнейшие обсуждения. 7 сентября 1920 года был опубликован декрет СНК «Об учреждении Туркестанского Государственного Университета»⁷⁴, что ознаменовало «официальное» создание высшего учебного заведения.

Как ожидалось, декрет вызвал негативную реакцию местной интеллигенции. На ее сторону встал туркестанский НКП. Вуз попадал в подчинение Москвы, что противоречило конституции, по которой республика считалась автономной. Кроме того, распределение окончивших ТГУ инженеров и агрономов производилось Москвой. Ранее туркестанский Народный комиссариат труда (НКТ) сам распределял кадры, а теперь это должно было производиться по разрядке⁷⁵. Туркестанские политические структуры и интеллектуальная элита теряли контроль над университетом.

Университет в обстановке неопределенности

После смены руководства наступил период институциональных реформ и новый виток проектирования. С 1920 года вводятся приемные экзамены, где приоритет отдавался «туземцам» (по официальной терминологии) вне зависимости от их социального происхождения, а также выпускникам рабочих факультетов⁷⁶, членам партии и лицам, имеющим рабочий стаж⁷⁷.

В 1921 году было принято решение о введении в ТГУ военного дела⁷⁸. По инициативе Наркомвоенмора Льва Давидовича Троцкого (1878–1940) при ТГУ был создан военный факультет. Троцкого поддержали руководитель Военной академии РККА Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) и начальник Главного управления военно-учебных заведений Григорий Иванович Петровский (1878–1958)⁷⁹. Создание военного факультета мотивировалось потребностью в подготовке специалистов, знакомых с местными условиями; как отмечал Троцкий:

Средний Восток – Персия, Афганистан, Индия, являются ахиллесовой пятой западного империализма. Наша бдительность и военная готовность здесь, в Туркестане, должны стоять на достаточно высокой ступени⁸⁰.

К проекту военного факультета скептически относился Ш.М. Двойлацкий⁸¹, однако он не мог противоречить высшему военному командованию.

Проект военного факультета предполагал создание генерального штаба, артиллерийского, военно-инженерного, военно-хозяйственного и общего отделений⁸². Деканом факультета был избран офицер Николай Ильич Иванов.

Факультет успел набрать 129 кадетов, хотя требовалось 200⁸³. Из зачисленных 98 были по национальности русскими, еще 30 – «других национальностей» и один «туземец»⁸⁴.

Проект оказался несостоятельным, возможно из-за того, что крупные сражения Гражданской войны остались в прошлом. В июле 1922 года военный факультет ликвидировали, ссылаясь на непопулярность его у коренного населения⁸⁵.

С 1922 года факультеты множество раз реорганизуются⁸⁶. Их количество сначала возросло до восьми, а затем сократилось до пяти. Продолжали функционировать медицинский, сельскохозяйственный, естественно-математический, инженерно-мелиоративный и рабочий факультеты⁸⁷, то есть все жизненно необходимые для восстановления республики после военной разрухи. Число студентов на 1923/1924 учебный год превысило 3000 человек, соотношение их составляло 70% мужчин к 30% женщин⁸⁸. Большинство студентов составляли русские и татары, а представители коренных народностей оставались в меньшинстве⁸⁹.

В 1923 году Туркестанский университет меняет статус с республиканского на региональный, став Среднеазиатским государственным университетом (САГУ)⁹⁰. Реформа была связана с национально-территориальным размежеванием; новым республикам необходимо было создавать свои научные центры, но у них не было ни кадров, ни материальных средств. САГУ становился «донором», который перекачивал часть своих ресурсов в соседние республики.

САГУ получал уже признание как международный научный центр: к университету проявила интерес Персия, которая договорилась с руководством вуза об обучении своих студентов⁹¹. Согласно новому положению, САГУ должен был обслуживать Туркестанскую республику, Киргизскую, Бухарскую, Хорезмскую и частично Сибирь⁹². Финансирование САГУ составляло 50% от Москвы и 50% от новых республик⁹³. Последнее было подчас номинальным: например, Бухарскую и Хорезмскую республики университет обслуживал в долг⁹⁴.

С образованием Узбекской ССР (27 октября 1924 г.) ТАССР перестает существовать. Ликвидационная комиссия, отвечающая за раздел имущества между новыми республиками, в ноябре 1924 года признала за САГУ особое значение для республик Средней Азии⁹⁵. Во второй половине 1920-х годов стало возможным создание отраслевых институтов на базе отдельных факультетов, которые открывались по всей территории Среднеазиатского региона. Со временем САГУ превратился в один из ведущих вузов СССР.

Множество вузов, созданных после революции на периферии, и Туркестанский университетский проект в их числе, первое время являлись составной частью советской административной системы. На вузы возлагалась часть задач по модернизации инфраструктуры, развитию народного хозяйства и образования в регионах и республиках; значительную роль в этом процессе играли преподаватели и студенты. Интеллектуалы и местная власть действовали сообща, поддерживая идею сохранения и упрочения высшего образования. Университеты были настолько сильно интегрированы в структуру управления, что даже приспособивались, как

это было в Туркестане, под нужды Красной армии. Эксперименты с внутренней структурой разрушили основу дореволюционного высшего образования, но сделали его доступным для всех слоев населения вне зависимости от этнической принадлежности.

Демократизация вузов позволяла получить широкий доступ к образованию и науке без миграции в старые университетские центры и оседания там, что прежде не давало провинциям никакого толчка к развитию. Таким образом, модернизация производилась силами местной нарождающейся интеллигенции, которая опиралась на опыт и продолжала традиции предыдущих поколений по изучению родного региона. Как было показано на примере Туркестанского университета, это было немаловажно, поскольку российское академическое сообщество зачастую относилось к местным инициативам пренебрежительно. Ташкент с помощью САГУ превращается в крупный региональный центр науки и культуры, что открывает новую эпоху в развитии системы образования и дальнейшей модернизации советской Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бартольд В.В. Сочинения в 9 тт. – М.: Наука, 1963–1977. – Т. 9: Работы по истории востоковедения. – 1977. – С. 492–495; Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 25.

² См.: Ольденбург С.Ф. Французская школа Крайнего Востока в Сайгоне // Журнал министерства народного просвещения. 1902. Ч. 340. Март. С. 47–51.

³ Баранов П.А. Исторический очерк. Средне-Азиатский Государственный университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции. – Ташкент: Типо-литография № 1 Узполиграфтреста, 1927; Умаров С.У. Высшее образование в Узбекистане за 25 лет. – Ташкент: Государственное издательство УзССР, 1949; Ташкентский государственный университет имени В.И. Ленина / Колл. авт. (Садыков А. и др.) – Ташкент: Госиздат УзССР, 1961; Алексеева Г.Д., Желтова Г.И. Становление и развитие системы научно-исторических учреждений. – Ташкент: Фан, 1977; Материалы к истории Ташкентского государственного университета имени В.И. Ленина. – Ташкент: Издательство ТашГУ, 1970; Шамухамедов Ш., Дан З. Ташкентский университет – основоположник науки в Средней Азии. – Ташкент: Узбекистан, 1980; Ташкентскому государственному университету им. В.И. Ленина 60 лет (Материалы юбилейных торжеств). – Ташкент: Узбекистан, 1982; Партийная организация Ташкентского государственного университета имени В.И. Ленина / Под ред. С. Гитлина. – Ташкент: Узбекистан, 1990.

⁴ Дворкина Е.А. Основание университета в Туркестане (1918–1920 гг.). Труды САГУ им. В.И. Ленина. Новая серия, выпуск ХС. Исторические науки, кн. 14. – Ташкент: Издательство САГУ, 1957. С. 7–35; Лунин Б.В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии. Очерки по истории рус-

ского востоковедения. Сборник VI. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 302–346; Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960; Ахунув М.А., Лунин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. – Ташкент: Фан, 1970; Лунин Б.В. Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции. Становление советского востоковедения: сб. статей. – М.: Наука, 1983. С. 85–131; Ташкентский государственный университет имени В.И. Ленина / Под ред. Юсупова Э.Ю., Алимова Ш.А., Далимова Т.Н. – Ташкент: Узбекистан, 1990.

⁵ См.: Кармышева Б.Х. К истории этнографического изучения Средней Азии в 1930–1960-е годы. Выпускники Туркестанского восточного института // Этнографическое обозрение. № 4. 2001. С. 103–109; Алимова Д.А., Абдурасулов У.А. Академия наук в интеллектуальной истории Узбекистана. – Ташкент: Yangi nashr, 2012; Пуговкина О.Г. Николай Маллицкий: на службе империи и науки / История и историки Узбекистана в XX веке / Под ред. Д.А. Алимовой. – Ташкент: Navro'z, 2014. С. 52–77; Назарьян Р. Из истории Туркестанского восточного института (1918–1923) // ВС. № 1–2. 2016. С. 80–84; Пуговкина О.Г. Нил Сергеевич Лыкошин: от Самаркандского военного губернатора до советского профессора // Восток (Oriens). № 6. 2018. С. 124–141; Флыгин Ю. «...О своевременности открытия университета в Ташкенте». Страницы истории Национального университета Узбекистана // ВС. 2019. № 1. С. 58–79.

⁶ См., например: Лунин Б.В. В.И. Ленин и Средняя Азия. – Ташкент: Узбекистан, 1983. С. 174.

⁷ См.: Германов В.А. Указ. соч.; Алимова Д.А. История как история, история как наука. – Ташкент: Узбеки-

стан, 2009; Алимова Д.А., Абдурасулов У.А. Указ. соч.; Тухлиев Н., Кременцова А. Моя страна: под ред. Ртвеладзе Э. – Ташкент: Узбекистон миллий энциклопедияси, 2012.

⁸ См.: Халид А. Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии / Пер. с англ. А.Б. Богдановой. – М.: Новое литературное обозрение, 2010; Khalid A. Making Uzbekistan. Nation, Empire and Revolution in the Early USSR. – London: Cornell University Press, 2015; Майкл Дэвид-Фокс. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–45; Халид А. Чем была революция в Туркестане? // Неприкосновенный запас. № 5. 2017. С. 165–177.

⁹ Отрывки из мемуаров В.В. Стратонова, посвященные Туркестану, опубликованы в журнале «Восток Свыше» №№ 4–1, 2017–2018, и далее. Также см.: Стратонов В.В. По волнам жизни: в 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2019.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 58. Л. 1.

¹¹ См.: История коммунистических организаций Средней Азии / Ред. колл. А.М. Богоутдинов, С.М. Бейсембаев, М.Г. Вахабов и др. – Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 250.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 12.

¹³ См.: Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX – начало XX вв.). – Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1962.

¹⁴ См.: Флыгин Ю. Указ. соч.

¹⁵ См.: Брок О. Диктатура пролетариата. – М.: Изд. им. Сабашникова, 2018. С. 100.

¹⁶ См.: Сухоруков А.Н. К столетию Таврического университета: зарождение высшей школы иранистики в Крыму // Язык и текст. Т. 6. № 1. 2018. С. 105–116.

¹⁷ См.: Асланишвили И.А. Тифлис и его окрестности. – Тифлис: Церкумси, 1925. С. 131.

¹⁸ См.: Дегтярев. О высшей школе. Народные университеты. «Правда», № 267. Воскресенье. 8 декабря 1918 г.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 58. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ См.: Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории Акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1957 – ...; Т. 3. – 1963. – С. 381–382.

²² РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 20–21; 22; 30–31; 32.

²³ См.: Дворкина Е.А. Основание университета в Туркестане (1918–1920 гг.). Труды САГУ им. В.И. Ленина. Новая серия, выпуск ХС. Исторические науки, кн. 14. – Ташкент: Издательство САГУ, 1957. С. 7–35.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 56.

²⁵ См.: Каиль М.В. Советский университет как социоконструирующий проект: идеология и практика в создании первых советских университетов / Эпоха

социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / Под ред. Л.М. Мазур. – Екатеринбург: Изд. УрФУ, 2017. С. 461–469.

²⁶ См.: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 482.

²⁷ См.: Технический факультет ТНУ. Обзор преподавания на курсах мирабов. – Ташкент. Канцелярия ТНУ в I женской гимназии, 1918. Вып. № 2. С. 1–10.

²⁸ См.: Басханов М.К. У ворот английского могущества. А.Н. Снесарев в Туркестане (1899–1904). – СПб.: Изд. Нестор-История. 2015. С. 12; Мелентьев Д.В. Научно-популярные кружки и общества в колониальном и советском Туркестане: имперская интеллектуальная элита на мусульманской окраине // Центральная Евразия, № 2. 2018. С. 17–36.

²⁹ На этом акцентировал внимание В.И. Ленин. См.: Стебакова Л.И. Советская интеллигенция. Краткий очерк (1917–1975 гг.). – М.: Политиздат, 1977. С. 26.

³⁰ См.: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 412.

³¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 128.

³² См.: Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. – М.: Научно-политическая книга, 2016. С. 90–91.

³³ По данным переписи 1920 года в Туркестанской республике проживало (без учета Ферганской долины) более 5 миллионов человек. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 55.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 39.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 44.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 58. Л. 3.

³⁷ См.: Образование и деятельность коммунистической партии Туркестана. Летопись событий. Ч. 2: 1917–1924 гг. / Отв. ред. Турсунов Т.Х. – Ташкент: Узбекистан, 1966. С. 121.

³⁸ См.: Пуговкина О.Г. Осиповский мятеж в Ташкенте: новые исследования и подходы / Материалы международной научно-исследовательской конференции «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.». – М.: ЦМВС РФ, 24–25 мая 2016 г. С. 140–146.

³⁹ См.: Пуговкина О.Г. Николай Маллицкий: на службе империи и науки / История и историки Узбекистана в XX веке / Под ред. Д.А. Алимовой. – Ташкент: Navro'z, 2014. С. 52–77.

⁴⁰ См.: Германов В.А. Указ. соч. С. 12–13. Похожий случай произошел в августе 1920 года, когда Московская чрезвычайная комиссия МЧК арестовала командированного из Ташкента преподавателя социально-экономического факультета Александра Петровича Демидова. Руководство университета обратилось в МЧК с просьбой освободить А.П. Демидова, ручаясь за его полную лояльность по отношению к советской власти (ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 48. Л. 13). А.П. Демидов преподавал в МГУ и параллельно числился

- членом Туркестанского университета. Скорее всего, тогда А.П. Демидов попал под кампанию ОГПУ по подчинению Московского университета интересам советской власти. См.: Стратонов В.В. Потеря Московским университетом свободы (воспоминания о забастовке 1922 г.) // На рубежах познания Вселенной. Историко-математические исследования. – М.: Физматлит. Вып. 23. 1992. С. 410–455.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 68–69.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 33. Л. 27.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 13.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 14–17.
- ⁴⁶ См.: Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк). – Москва: Наука, 1971. С. 69.
- ⁴⁷ См.: Шамухамедов Ш., Дан З. Указ. соч. С. 7.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 55.
- ⁴⁹ См.: Касымова А.Г. Библиотеки в Туркестане. Краткий очерк развития библиотечного дела в дореволюционном Туркестане и ТАССР. – Ташкент: Фан, 1966. С. 27; Ташкентский государственный университет им. В.И. Ленина / Под ред. Юсупова Э.Ю., Алимова Ш.А., Далимова Т.Н. – Ташкент: Узбекистон. 1990. С. 12; Бейли Ф.М. Миссия в Ташкент / Пер. с англ. Анатолия Михайлова. – М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 108.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 48–55.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 100; Акрамова Х., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Научно-биографический очерк / Под ред. Б.А. Литвинского. – Душанбе: Ирфон, 1973. С. 84.
- ⁵² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2588. Л. 312; Ахунов М.А., Лунин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. – Ташкент: Фан, 1970. С. 39.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 135.
- ⁵⁴ См.: Беккин Р.И. А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография: монография. – Москва: Садра, 2018. С. 117.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 48. Л. 4; ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 30. Л. 54.
- ⁵⁶ См.: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). – М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 484.
- ⁵⁷ См.: Стратонов В.В. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни». Конец туркестанской жизни // ВС. № 4. 2018. С. 67–96.
- ⁵⁸ Там же. С. 67–96.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 7; ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 30. Л. 77–77 об.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 33. Л. 23.
- ⁶² См.: Брок О. Диктатура пролетариата. – М.: Изд. им. Сабашникова, 2018. С. 110.
- ⁶³ См.: Стратонов В.В. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни». Конец туркестанской жизни // ВС. № 4. 2018. С. 67–96.
- ⁶⁴ См.: Воскобойников Э., Зевелева А. Турккомиссия ВЦИК и Совнарком РСФСР и ТуркБюро ЦК РКП(б) в борьбе за укрепление советской власти в Туркестане. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1951. С. 64.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 89. Л. 121.
- ⁶⁶ См.: Стратонов В.В. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни». Конец туркестанской жизни // ВС. № 4. 2018. С. 67–96.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 25.
- ⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 122.
- ⁶⁹ См.: Флыгин Ю. Указ. соч.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 109. Л. 144. Ч. 2.
- ⁷¹ Там же. Л. 144. Ч. 2.
- ⁷² Там же. Л. 144. Ч. 2.
- ⁷³ Там же. Л. 144. Ч. 2.
- ⁷⁴ Декреты Советской власти. – Москва: Политиздат, 1980. Т. 10. С. 136.
- ⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 109. Л. 145–146. Ч. 2.
- ⁷⁶ Рабфак ТГУ был сформирован 11 февраля 1920 года. Полноценно начал функционировать лишь в 1925 году. РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 194; РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 385. Л. 62.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 33. Л. 24–25.
- ⁷⁸ Военный факультет пытались открыть еще в 1918 году, но набрали всего пять курсантов, которых отправили учиться в Петроград. РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 76. Л. 8.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 271 об.; РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 279.
- ⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 266.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 266.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 73. Л. 13.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 33. Л. 24.
- ⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 122. Там же. Л. 122.
- ⁸⁶ Там же. Л. 128.
- ⁸⁷ Там же. Л. 122–140. Эти сведения разбросаны по докладу А. Бродского о состоянии университета за 1921–1924 гг.
- ⁸⁸ Там же. Л. 129.
- ⁸⁹ Там же. Л. 129.
- ⁹⁰ Там же. Л. 123.
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 115.
- ⁹² Там же. Л. 115.
- ⁹³ Там же. Л. 115.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 122.
- ⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 387. Л. 66.